

АБОРИГЕН КАМЧАТКИ

Орган Региональной общественной организации
«Ассоциация коренных малочисленных народов
Севера Камчатского края»

Газета основана
и издаётся
с 11 июня 1995 г.

24 октября
2018 года
№ 8 (244)

16+

Спецвыпуск, посвященный предстоящему 90-летию со дня рождения Георгия Поротова

Биография Георгия Германовича Поротова

Поротов Георгий Германович родился 3 мая 1929 г. в с. Елизово в семье рыбака-охотника. Отец — камчадал Поротов Герман Васильевич из бедняков.

Мать — Бобрякова Надежда Андреевна из крестьян-середняков, уроженка с. Милькова.

В 1930 г. семья переехала в Мильково, где и прошло детство и юность Георгия. В 9 лет пошел в школу, окончил 7 классов в 1944 г.

После школы работал пастухом, помощником кузнеца, затем в поле учетчиком Мильковской МТС, бухгалтером.

В 1948/1949 учебном году учился в Благовещенской школе счетоводов.

С 1950 по 1953 г. работал бухгалтером колхоза им. Сталина в с. Мильково.

В 1953 г. Мильковским райисполкомом был направлен на учебу в Хабаровскую краевую культпросветшколу.

По окончании в 1957 г. работал в Мильково художником в районном Доме культуры, заведующим сельским клубом.

В 1959 г. областным управлением культуры направлен в Корякский национальный округ для организации окружного Дома народного творчества. Работал в Палане до 1964 года.

Основная работа заключалась в сборе и обработке фольклора, подготовке репертуара для художествен-

ной самодеятельности, созданием национальных ансамблей.

С 1964 по 1967 г. работал заведующим Мильковским отделом культуры, где продолжал работу по сбору и обработке фольклора.

В 1967 г. областным управлением культуры переведен методистом областного Дома народного творчества.

1969–1971 гг. — совместно с поэтом-писателем Владимиром Косыгиным (Коянто) совершали творческие командировки и выпустили сборники: «Песни Алнея», «Дарю тебе песню», «В стране Кутхи».

1967 г. — выход сборника «Ое», за вклад в развитие народного творчества награжден орденом Трудового Красного Знамени, за сборник «Ое» награжден премией камчатского комсомола им. Виталия Кручины.

1976–1985 гг. — полностью сосредоточен на литературной работе.

В 1977 году вступил в Союз писателей СССР.

1979–1981 гг. — вышел в свет первый и второй книги «На околице Руси» с подзаголовком «Хроника одного села».

1975 г. — выход сборника «Песни страны Уйкоаль».

1984 г. — выход сборника «Камчатский мотив».

Ушел из жизни 1 июля 1985 года.

Н.А. Поротова

Вечная песнь

Н.А.

Житейский мудрый глаз
И милая улыбка.
Ты песней родилась,
Как Страдивари скрипка.
Друг друга мы нашли
На юной вечеринке
И четверть века шли
По жизненной тропинке.

У мрачных берегов
Оборвалась струною
Недозвевенная любовь...
Но слышится порою:
Великий океан
Камчатскими ночами
Поет под свой орган
Песнь, созданную нами!

Георгий Поротов

Познакомились мы с Георгием Поро-
товым во время учебы в Хабаровской
краевой культпросветшколе, нахо-
дившейся в г. Биробиджане. Это был
1955 год. Георгий учился на дирижер-
но-хоровом отделении, а я — на би-
блиотечном. По осени нас, студентов,
посылали в колхоз на уборку урожая.
Возили на открытой грузовой маши-
не. Вот тогда-то я его увидела в пер-
вый раз. Стоит он в кузове во весь
рост и поет частушки собственного со-
чинения:

Вьется дымка золотая придорожная,
Надоела нам, студентам, жизнь
колхозная.
То ли дело в культпросветшколе —
Тетя Хава, дядя Петя,
А еще-то, а еще Мария Марковна!

Был он тогда стройный, высокий,
выше всех в училище. Ему было 26 лет,
мне — 19. Учился Георгий успешно, был
заводилой среди студентов, секретарем
комсомольской организации. Ребя-
та в культпросветшколе были талант-
ливыми — музыканты, певцы. Свобод-
ными вечерами собирались во дворе
училища, устраивали импровизирован-
ные концерты. Любимым инструментом
Георгия была гитара. Он уже тогда вла-
дел ею в совершенстве. С большим чув-
ством играл музыкальную пьесу «Гибель
Титаника». А под моим окном он играл на
скрипке и пел серенаду:

Небо голубое звездами усеяно.
Встречи жду с тобой,
Надежда Алексеевна.

Этот момент запечатлен на фотогра-
фии. Он тогда брал дополнительные
уроки игры на скрипке. Первым произве-
дением, исполненным Георгием на кон-
церте на скрипке, была «Юмореска»
Дворжака.

Потом встречались на заседаниях ко-
митета комсомола, профкома и другой
общественной работе. Георгий стал при-
глашать меня в кино. Так что я все новые
фильмы того времени пересмотрела. Ни-
когда позже я так часто не выбиралась
в кино.

Так после двухлетнего общения он
предложил мне выйти за него замуж. За-
регистрировались 17 марта 1957 года.
В этом же году в Москве проходил фести-
валь молодежи и студентов. Георгий был
избран делегатом от студенчества Би-
робиджана. Он написал песню «Друзья,
на фестиваль». Песня была напечатана
во множестве экземпляров и исполня-
лась студентами на краевом фестивале.
А в Москву Георгий не поехал. Не хотел
расставаться со мной. Мы как раз закон-
чили учебу.

Прилетели в Мильково где-то в июле
1957 года. Село понравилось. Очень при-
ветливый народ, незнакомые люди здо-
роваются. Семья меня приняла хоро-
шо, хотя жить приходилось в неболь-
шом доме. Да мне не привыкать, я сама
из большой семьи, у родителей было се-
мьере детей, одна я девочка, остальные
мальчики.

Родители Георгия — простые колхоз-
ники. Отец Герман Васильевич, мало-
грамотный, прошел только ликбез, но
житейский и мудрый. Мать Надежда Ан-
дреевна окончила четыре класса цер-
ковно-приходской школы, до старости
любила читать русскую и зарубежную
классику.

У Георгия было три брата и три се-
стры. Он был старшим. Дети воспитыва-
лись еще бабушкой и дедушкой в труде,
в уважении и почете к старшим. Держали
скот, сажали огород. Бабушка с дедушкой
были верующими. Георгия крестили.

Вспоминая Георгия

Детство и отрочество пришлось на
годы войны. Хотя война не дошла до Кам-
чатки, но ее эхо гулко отзывалось здесь.

По рассказам матери, Георгий с дет-
ства любил музыку. Учился играть на
мандолине, балалайке, гитаре. А одна-
жды у односельчанина увидел скрипку.
Сильно захотел ее иметь, но купить было
негде. Решили сделать сами. В изготов-
лении приняли участие и отец, и мать. Де-
лали из подручных материалов — бере-
зовых дощечек, оленьих жил и волос ко-
нского хвоста. Инструмент был далек от
совершенства и издавал душераздираю-
щие звуки. Позтому музыканту приходи-
лось играть, удаляясь на чердак. Отец не
выдержал такой муки и каким-то образом
выпросил ту самую скрипку у старика. Но
по-настоящему учиться играть на скрипке
стал только в культпросветшколе.

Георгий начал работать после оконча-
ния семи классов, в годы войны. Работал
пастухом, помощником кузнеца, учетчи-
ком в колхозе, бухгалтером. И только по-
сле этого в 1953 году поступил в культ-
просветшколу.

Ко времени нашего приезда старшие
сестры и братья уже определились по
жизни и ушли от родителей. С родите-
лями жили только младшие — Светлана
и Нина.

В апреле 1958 года у нас родилась

дочь. Назвали Любовью.
В 1959-м по инициативе Михаила Нико-
лаевича Косыгина, заведующего окру-
жным отделом культуры, открывался Дом
народного творчества в Палане. Возник-
ла проблема — кого назначить руко-
водителем. На областном съезде культра-
ботников встретились М.Н. Косыгин с Ге-
оргием. Косыгин знал Порохова еще по
культпросветшколе как музыкально ода-
ренного, с поэтическим талантом, ин-
тересующегося народным творчеством
и пригласил его. Георгий, не задумыва-
ясь, согласился.

Были недолгие сборы. Фактически
у нас еще ничего не было. Долго ль бедно-
му собраться, подпоясался и готов. Прав-
да, отец не отпускал. Говорил, что ехать
с маленьким ребенком в неизведанные
края рискованно. Больше Георгию с от-
цом встретиться не было суждено. Отец
умер, когда Георгий был в командировке
в Пенжинском районе в декабре 1964-го,
добраться до Мильково в срок было не-
возможно.

В Палане нас встретил Феликс На-
летов, работавший директором окружного
Дома культуры, тоже выпускник культпро-
светшколы. Поселились сначала в квар-

тире М. Косыгина. Он с семьей был в от-
пуске.

Потом заняли освободившийся ма-
ленький домик. Заняли его самовольно.
Прибежал к нам Налетов и говорит:
«Гоша, хватай Любку и скрипку, пошли
дом заниматься, пока другие не заняли».

Домик был площадью 4 на 4 метра, по-
мещались одна кровать и стол, на кух-
не — печка. Дом продувался всеми ве-
трами. Удобства на улице. Летом-то было
хорошо, тепло, вокруг природа красивая.
А вот зимой приходилось топить печку
утром и вечером, очищать снег и по су-
гробам ходить на речку за водой. А так
как Георгий постоянно был в поездках,
приходилось все это делать мне. Часто
выручали друзья.

Георгий с первых дней взялся за ра-
боту. Прилетели мы в Палану в апреле,
а в мае он уже поехал в командировку
в Пенжинский район. Позже таких ко-
мандировок было бесчисленное множе-
ство. Работа ему нравилась. Он соби-
рал национальный фольклор, разъез-
жая по округу, записывая на магнитофон
сказания, предания, напевы. Обрабаты-
вал их и в специальных выпусках — ли-
стовках, обеспечивая репертуаром всю
художественную самодеятельность. Он
знакомился с местными жителями, ста-
рожилами. Среди его друзей Татьяна
Петровна Лукашкина, Борис Заев (мо-
лодой баянист), Владимир Косыгин (Ко-
янто), старожила села Арефьевы. Деви-
зом своего творчества он провозгласил
поговорку: «Из старых заплат шить но-
вый халат».

В Палане сложился хороший творче-
ский коллектив культработников. Пре-
красный баянист М.Н. Косыгин был за-
ведомо культуры, а впоследствии долго
находился на партийной и советской ра-
боте. Поэт Владимир Косыгин (Коянто),
поэт Арсений Семенов работал директо-
ром музея, впоследствии он прославил-
ся своим романом о Владимире Атласове
«Атаман». Лидия и Николай Шумаковы.
Николай писал рассказы. Устраивали ли-
тературные вечера. Организатором была
заведующая библиотекой Анна Павловна
Козлова — энтузиаст, жизнелюб, актив-
ный пропагандист книги, человек долга.
Анна Павловна ступила на камчатскую
землю в 1958 году, и Камчатка вошла в ее
жизнь навсегда.

Владимир Косыгин (Коянто) приехал
в Палану после окончания института. Тог-
да он только начинал писать стихи. Он
был прекрасным исполнителем корякских
танцев, песен, мастером художественно-

го слова. Помню, с каким вдохновением
читал он свою поэму «Струйка».

Здесь же, в Палане, Георгий встретил
Кирилла Киппалана. Киппалин приехал
в Палану без средств к существованию,
без жилья. Георгий устроил его на рабо-
ту художником в Дом культуры, нашли
маленькую комнату в конце села на тер-
ритории лесопилки. Потом он всю жизнь
заботился о Кирилле, переписывался
с ним, по возможности помогал ему мате-
риально, как и другим талантливым лю-
дям из глубинки. Кирилл даже проиллю-
стрировал некоторые произведения Ге-
оргия и написал его портрет.

В Палане мы прожили четыре года.
Здесь он сформировался как самобыт-
ный поэт, писатель и композитор. Он мо-
г часами рассказывать о музыкально ода-
ренных коренных жителях. Был собран
богатый материал. Много из собранного
легко в сборник «Ое» и другие произве-
дения.

В 1961 году у нас родилась младшая
дочь Галина. Георгий ждал сына, приду-
мал ему имя — Гена, т.е. из первых сло-
гов наших имен — Георгий и Надежда,
а родилась дочь. «Ну, ладно, — сказал
он, — пусть будет хотя бы на букву «Г» —
Галина».

Живя в Палане, невозможно было из-
дать написанное. Надо было перебираться
ближе к Петропавловску.

Георгий всегда интересовался исто-
рией Камчатки и родного села Милько-
во. Живя в Мильково, он часто обра-
щался к старожилам, собирая материал
о своих предках. Результатом долгой ра-
боты стали его книги «На околице Руси»
и «Камчадалы». В основе сюжета жизнь
родного села, где прошли его детство
и юность. Прототипами героев были про-
стые люди — мильковчане, соседи, роди-
тели, да и сам автор. Многие читатели уз-
навали своих родителей и себя.

В быту Георгий был неприхотлив, и все
бытовые проблемы ему были не инте-
ресны. Так что груз всех домашних за-
бот лежал на мне. С детьми любил поза-
ниматься, но, увлекаясь своим делом, он
обо всем забывал. Уж если что делал, то
отдавался этому полностью. А бывало,
если дело не идет, он нервничал. Ходит,
руки за спину заложит, думает о чем-то,
иногда что-то себе под нос шепчет. А то
вдруг схватит балалайку и начнет стру-
ны перебирать. Иногда и меня попросит
рифму подсказать. Я мучаюсь, мучаюсь,
да так и усну, не придумав. А утром он
представляет на мой суд уже готовое сти-
хотворение. Например, такое:

Травинки трепет в моей крови,
В гранитные храмы мой путь
бесконечный.
Горные цепи, цепи мои,
Прикован я вами к Камчатке
навечно.

Стихи у него часто именно по ночам по-
лучались, а иногда путал день и ночь.

Когда пришло время оформлять пен-
сию, он не стал этим заниматься, ска-
зав, что ему стыдно. Благо, старшая дочь
Люба уже работала в горисполкоме, сама
собрала документы и оформила ему пен-
сию. Когда почтальон принес первую пен-
сию, кстати, не очень большую, он разло-
жил ее по конвертам и каждый подписал:
«Это Любанычке, это Галюнычке, это для
любимой внучки с пенсионной полочки».

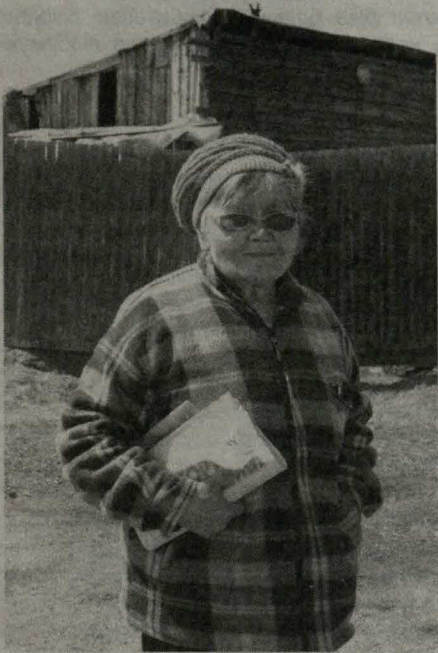
Тогда была только одна внучка Марин-
ка — «колокольчик мой».

Спустя девять лет после смерти Геор-
гия 1 июля, день в день, на свет появился
внук. Вопросы о выборе имени не было,
конечно, Георгий — Гоша.

Надежда Порохова

ВСТРЕЧИ С ПОРОТОВЫМ

Попова (урожденная Чуркина) Зинаида Павловна.

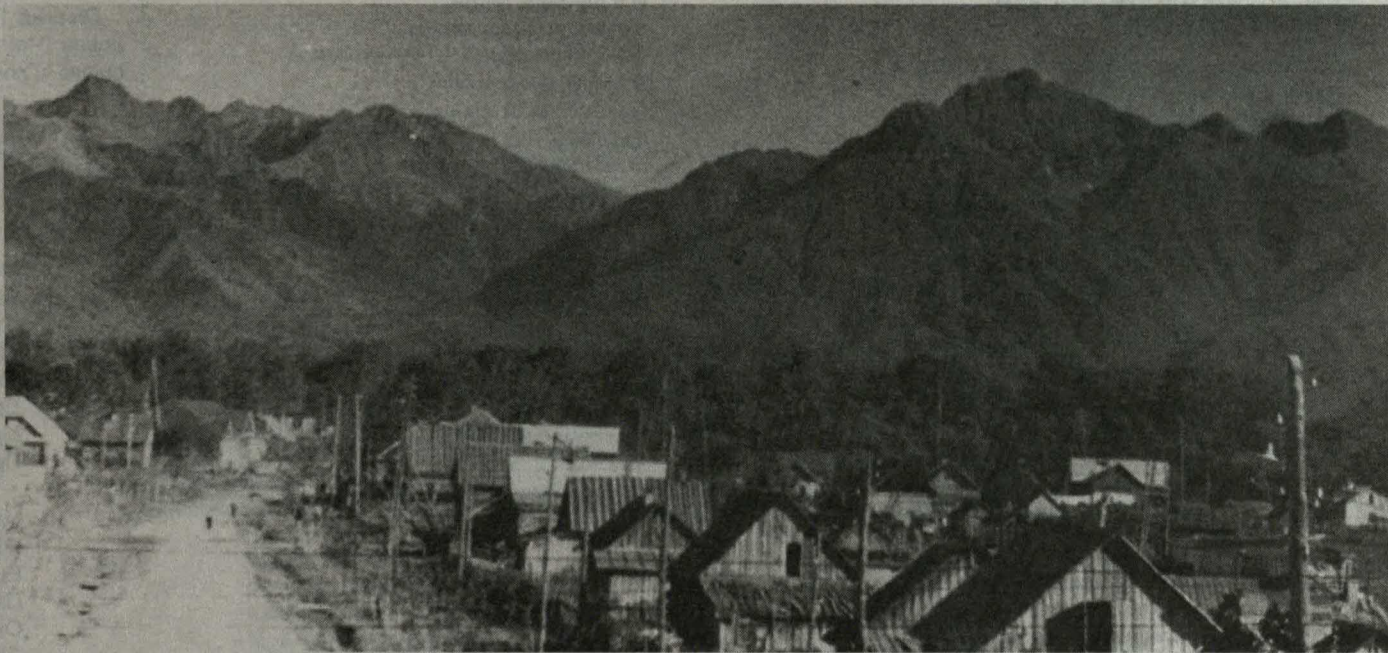
Родилась 6 сентября 1939 г. в с. Кирганик Мильковского района в семье камчадалов Чуркиных. В 1990-х годах возглавляла Мильковскую районную ассоциацию коренных малочисленных народов Севера. Работала специалистом по коренным народам Севера Мильковской районной администрации. Автор ряда статей в газете «Абориген Камчатки».

«В 1961 году я окончила Петропавловское педучилище, меня направили работать в Карагу, на восточное побережье Камчатки. Там был колхоз «Ударник». Колхоз в основном занимался рыболовством, но были и оленеводческие звенья, где работали в основном коряки. Колхоз был очень богатый, имел свой флот. В селе были Дом культуры, магазины, больница, школа-семилетка, детский сад. Мужчины занимались оленеводством, рыболовством и зверобойным промыслом. Председателем сельсовета была женщина по национальности корячка. Это было очень важно.

В Караге проживали большие семьи Косыгиных, Коллеговых, Притчиных.

Я была классным руководителем, да еще пионервожатой меня назначили.

К нам, в Карагу, приехали Г. Поротов и В. Косыгин. Они были в командировке и собирали материалы — записывали разговорную речь, предания, сказки, традиции коренного населения. Первое, что они сделали, когда приехали, организовали школу «Культура и быт КМНС». Я была молодой, и меня избрали руководить этой

школой. Правление избрали. Программу одобрили. План написали, по которому мы работали. Учили людей коренной национальности гигиене, правилам воспитания детей, русской кухни. Они тогда тоже были молодые, доброжелательные и целеустремленные. Глаза горели.

Поротов и Косыгин мне и помогли провести первое занятие. Они жили в Караге около месяца.

Я же помогла им организовать встречи с населением, на которых они рассказывали, чем занимаются и для чего собирают этнографический материал, чем мы можем им помочь в их интересной и трудной работе.

Я в Караге проработала 5 лет. Потом вернулась в Мильково. В школе мне места не нашлось. В то время директором школы был Горовой. Меня направили работать в детский сад. Первый секретарь райкома партии Р. Сафронова дала ордер на квартиру.

В то время не было никакой методической литературы по организации образовательной программы в детском саду. Дети только играли, гуляли и кушали. В то время мы впервые стали детям давать тематические уроки по краеведению.

Мы пригласили на один из таких уроков Георгия. Это была такая уникальная встреча. Он рассказывал о культуре коренного населения, свои шутки-прибаутки, забавные случаи из жизни, показывал свои произведения. Этот урок растянулся на несколько часов до самого вечера. Он так интересно и эмоционально все рассказывал и показывал, что нам не хоте-

лось отпускать такого талантливого человека. Потом детей пришлось кормить не полдником, а ужином.

Встречались мы еще в Петропавловске в драмтеатре, там обсуждали разные вопросы по творчеству. Он был очень простым и добрым человеком.

Это был выдающийся человек-камчадал!»

Головач Александра Анатольевна, заведующая библиотекой-филиалом № 5 с. Пушино

Я родилась в 1958 году в селе Пушино Мильковского района. Пушино — маленькое село. В селе все жили дружно и весело. Никто никого не обижал, все друг другу помогали.

Моя девичья фамилия — Попова, мама — из большого рода Косыгиных. Мамина сестра тетя Вера была замужем за Калининым.

Когда я училась в младших классах Пушинской школы, к нам часто летом приезжал Георгий Поротов, в то время он еще жил в Мильково. Он частенько посещал наши знаменитые Пушинские ключи. Туда ходили пешком. Там стоял дом, нары и три ванны — с горячей, теплой и холодной водой. Георгий Поротов обычно ночевал у нас, когда ехал в город и обратно.

Мы Поротовым приходилось дальней родней по Бобрятковской линии. Я ходила тогда в 3–4 класс, но хорошо всё помню. У нас дома была старая балалайка, у него с собой была мандолина. Заезжал к нам и когда ездил в Москву. Мимо никогда не проезжал.

Когда он приезжал к нам, то вечером обязательно здесь собиралось много соседей, и он пел свои песни. Было очень интересно, все с удовольствием слушали. У него был большой талант, да еще в придачу был хорошим заводилой. Георгий как-то особенно говорил — у него был особый говорок.

У нас была в доме печь, летняя кухня, в которой тоже стояла печь — в ней пекли хлеб, пироги. Моя мама пекла очень вкусные рыбные пироги. Георгий говорил: «Ах, Александра, как я люблю твои пироги».

Однажды он к нам приехал и говорит: «Ты свари мне, пожалуйста, суп». Я сварила суп из тушенки в летней кухне. После он очень хвалил меня за этот суп. До сих пор в памяти слышу его теплые слова.

Георгий навсегда мне запомнился очень душевным и открытым человеком, очень любил играть с детьми.

Ольга Павловна Ичанга.

Мой папа Ичанга Павел Михайлович работал милиционером, бригадиром в оленеводческой бригаде, председателем райисполкома.

Георгий Поротов дружил с моим отцом. Когда приезжал в Быстринский район, всегда заходил в наш дом. Этот дом и сейчас стоит на берегу реки Уксичан. Когда родители работали в табуне, он прилетал к ним на вертолете и записывал родовые песни и сказания. Они с папой много говорили о культуре эвенов и других народах Камчатки. Однажды Георгий Поротов просил у папы прощения за то, что он в своем произведении немного написал по-другому о жизни отца, ему так нужно было для образа. Но они поговорили, и папа его понял.

Это был очень талантливый человек с большой душой. Я тогда еще была маленькая, а у нас не принято, чтобы дети слушали, о чем говорят взрослые, поэтому содержание их разговоров я не знаю. Но знаю, что они очень уважали друг друга, всегда ждали новых встреч.

Записал

Виктор Борисов в мае 2018 г.

Юрий Дружинин
Светлой памяти первого ительменского поэта
Георгия Поротова

1. На околице Руси

Знаток, хранитель, жрец фольклора
И виртуозный музыкант,
Поэт с задатками актера —
Неисчерпаемый талант.
(Печать тревоги и заботы —
Лицо, как медный колчедан.)
В какие ты ушел высоты,
Закоренелый камчадал?
Затихли струны мандолины,
Окончив разом пастораль.
Покрыла реки и долины
Вулканов дымная вуаль.
Глаза задумчиво прикрою.
И проплывут в один момент
Передо мной его герои
Сказаний, песен и легенд.
В ущельях темных, по отрогам
Языческий витает дух,
Раскосые пируют боги,
Среди которых главный — Кутх.
Шлифует ветер сопкам скулы.
Закат — пунцовой полосой.
А в недрах жгут костры гомулы,
Завина моется росой.
Глазами мутными подранка
Глядит из глубы двух веков
В мое сегодняшнее Дранка
И созывает казаков.
От дикой ревности сгорая,
Когда на Пенжине-реке
Ждет-поджидает Ое Аю
Уже в бату — не в каяке.
Виденья медленно поблекли.
Туманом взор заволокло.
Шаманит дождь, как будто Токле, —
Поющим бубном о стекло...
Но дружный клекот лебединый
Вдруг огласит глухую даль
Лесов и пажитей долины
С названьем звучным Уйкоаль.
На крыльях гордой птичьей стаи
Душа поэта воспарит
За гребень туч.
И вот устами
Поэта небо говорит:
— Я — Гыммо! — слушает округа,
Еще не время в чудеса,
А ветер жизни бьет упруго,
Надеждой полна паруса...
Я не сторонник од и оргий,
Но, у кого ты ни спроси,
В сердцах людей живет Георгий
Здесь, на околице Руси.

2. Людям северных зорь

Поредели леса,
Исчезает лосось
И мораль примитивно убога.
Прошибает слеза,
Что, живя на «авось»,
Дрябнет тело под натиском смога.
И пугливая дичь
Забирается в ночь —
Только тени снуют по ущельям...
Все сумел ты постичь,
Не успел лишь помочь —
Стала пухом земля и постелью.
Непоседливо ты

Снежной тундрой мчал
На оленях — полярных мустангах.
Воплощая мечты,
Наяву изучал
Быт и нравы в далеких ярангах.
И в легенды легли,
Словно отблеск волны,
Словно огненный выдох вулканов,
Пряный запах земли,
Гордый дух старины —
Песни гномов и смех великанов.
Добрый сердцем творя,
Одержим, обуян
Жаждой жизни, при жизни ты
признан.
Мать — Камчатка твоя,
А отец — океан.
В этом смысл и величия признак.
И как мать и отца —
Знает это любой —
Никогда и ни в чем не оставил.
Всю-то жизнь до конца:
И талант, и любовь —
Людям Северных зорь ты оставил.

3. У ночного костра

Есть люди —
Всю жизнь, словно дети,
Но это им плюс —
Не вина...
Поставив нехитрые сети,
Мы приняли дозу вина.
Несметною ратью, похоже,
Слеталась к огню мошара.
К пеньку прислонясь, полулежа.
Я молча курил у костра
И слушал...
Утихли перуны.
Как будто когтями орла,
Терзал он гитарные струны —
Стихия за сердце брала.
Село под названьем Кирганик
Накрыло тумана пятно.
Мне чудилось:
Это «Титаник»
Во тьму погружался, на дно.
Как вдруг, оборвав свое пенье,
Ладонью прихлопнув мотив,
Он замер,
Но лишь на мгновение —
Обдумывая речитатив.
Сдвигались со звоном стаканы —
Времен исчезала черта.
И звук вырывался гортанный
Из полукрытого рта.
Над темной тайгой бескрайней
Тот голос метался и глож —
В наш век залетевший случайно
Из прошлых дремучих эпох.
Нам были подвластны все дали,
Все выси...
И я говорю:
Мы рыбки в ту ночь не поймали,
Зато не проспали зарю.

4. Утрата

Скромнен быт, неприхотлива кухня
Да в заботах дел невпроворот...
Под крылом у ворона, у Кутха,
Жил немногочисленный народ.
Вольно жил.
Но в годы пертурбаций
Стал он незаметно исчезать
Без своих исконных резерваций —
Вот о чем хотелось бы сказать.
Ну, а ворон —
Житель дебрей горных,
Не сыскать его в стране иной.
Только зря его прозвали черным.
Ворон же!
Конечно — вороной!
Брат орлов, что нынче тоже редки,
Чей, того гляди, прервется род.
Как орла не выпестовать в клетке,
Так и ворон взаперти умрет.
Мрут они совсем не от болезней,
Не от непредвиденных потерь.
Просто стал никчемней,
Бесполезней
Смысл существования теперь.

Не постигнем мы всего урона,
Хоть стучите в медь колоколов —
Не заменит ворона ворона,
Да и нет замены у орлов!

Георгий Поротов был большим любителем рыбной ловли. Часто у ночного костра он исполнял любимую песню «Гибель Титаника».

Гибель Титаника

Стихи Дмитрия Кимельфельда
Музыка Владимира Семенова

Можно биться об заклад —
Было б только, чем бы —
Страсть приносит результат
Жуткий и плачевный.
Что ж настройтесь на волну,
Дамы и девицы:
Мы расскажем вам одну
Притчу во языцех.

На лайнере круизном
К Бермудским островам
Еще до социализма
Плыла одна вдова.
Она скучала вяло,
Ей опостылел Рим
И с палубы плевала
В течение Гольфстрим.

Но судьба на этот раз
Ей снесла гостинец:
На вдову поставил глаз
Стройный аргентинец.
И когда косила ночь
На Саргассах травы,
Он вдове решил помочь
Сбросить давний траур.

Вдова уже два года
Носила свой обет,
И южная природа
Рвала ее корсет,
Когда горя от страсти,
Он тронул шеншела —
То чуть в акулы пасти
Не прыгнул с корабля.

Поздно понял он увы,
В маленькой каютке,
Что с любовью у вдовы
Очень плохи шутки...
Не пришлось смеяться б нам,
Все б осталось в тайне,
Но их любовь напололам
Развалила лайнер.

Потом в их желтой прессе
Писали целый год,
Что в айсберг в этом рейсе
Вонзился пароход
Так в каждой из okazji,
Сейчас и в старину
Мы все на бедный айсберг
Спешим свалить вину.

На их защиту станем
Мы дружеским плечом:
В том, что погиб «Титаник»,
Айсберги не при чем!
Но тщательно проверьте,
Срывая в страсти плед,
Что вы пардон, на тверди,
А не на корабле!

1981

Ты уж блудного сына прости

Милый домик над Авачей,
Ты уж блудного прости, —
Пришаманил дух бродяжий,
И к тебе — не прирасти.
Дома, будто на свиданье,
Поживешь денек-другой, —
Снова в путь-дорогу тянет,
И — прощай тогда покой!
Ночью Кутха с доброй Миты,
Шлют привет издалека.
В тундре бьет олень копытом,
Ожидая ездока.

Океан большой, сутулый
На спине кита несет.
В сопках жгут костры гамулы,
Опалая небосвод.
Милый домик над Авачей,
Ты уж блудного прости.
Пришаманил дух бродяжий,
И к тебе не прирасти!

Всплывает виденьем... лоб матери милой

Горы,
Камчатские горы,
Вы видели радость,
Вы помните горе.
Свидетели
Буйных торжеств и трагедий,
Вы мне, камчадалу,
Достались в наследье.
Горные складки
Родимой Камчатки,
Время само в них застыло!
Далекое пенье...
Всплывает виденьем
Морщинистый лоб
Матери милой.

Здравствуй, домик у речки!

Вот и я,
Здравствуй, домик у речки!
Истомилась сыновья кровь.
Бойко мама хлопочет у печки.
В печке треск от пылающих дров!
Мне в окно оголенною веткой
Постучала седая ольха,
Где, мол, гость мой любезный и редкий,
Уж давно про него не слышать...
Не напрасно родитель покойный тут ольху по-
садил для меня.
Опершись на крутой подоконник,
Я стою у родного огня.
Над горами луна выплывает.
Завтра снова уйти суждено.
А ольха все стучит, как живая,
Тени прошлого смотрят в окно.

...Молод,
Жил на склонах Алнея,
Веселился.
Это было давно.
Окруженный
Женщинами и девушками
Пою песню
Про снежный Алней.
И про ту,
Которую любил.
Пусть эти женщины
Узнают про дни
Моей молодости.
Когда я брожу по Алнею,
И смотрю на Алней,
Вижу любимую мою...
Любимая манит меня к себе...
Равнины синеют,
Как шелковые ткани...
Ах, весело весною!
Ветер гуляет
По этим коврам!
Я покидал Алней,
Она провожала меня
До последнего ручья.
Я помахал ей
Белым платком...
Это было в старину...
Пусть молодежь поет
Про наш Алней
И его красавиц.

Мой вечный маршрут

Звнящее лето.
Лесные рассветы.
И время походов настало!
По узенькой тропке
Уходим мы в сопки.
До встречи, родной Петропавловск!

Костер да палатка —
Вот весь и уют.
Камчатка, Камчатка —
Мой вечный маршрут!
К вершинам вулканов,
Где кружат орланы,
Поднимемся, люд мускулистый!
Мы любим просторы,
И речки, и горы,
На то и зовемся — туристы.
Костер да палатка —
Вот весь и уют.
Камчатка, Камчатка —
Мой вечный маршрут!

Брагин Самуил

Дни суровые.
Двадцать первый год.
Огненное зарево
Плавит небосвод...
Ночью на разведку
В город уходил
Юный партизан —
Брагин Самуил.
Даль туманная,
Петропавловск спит.
Тишина обманная —
Враг за нею скрыт.
В сонных переулках
Рыщет волчий взгляд.
Юношу заметил
Провокатор-гад...
Пыткой страшною
Не сломить бойца,
Партизаны красные
Тверды до конца.
Палачем избитый,
С гордой головой
И назло бандитам
Песню пел герой...
Над Камчаткою
Заалел рассвет.
И ушел в легенду
Он в шестнадцать лет...

Загадки (по корякским мотивам)

Кто в народе мудрость сеет,
Тот всегда почет имеет
У собратьев на Камчатке.
Вот и нынче на привале
Старичок пастух Ахалли
Задаёт друзьям загадки:
— Круглый, желтый, как луна,
Бита палкою спина.
Коль его хозяин бьет, —
Он не плачет, а поет?
Под него плясать мы любим...
— Бубен!
— Угадали. Бубен.
Лежит в тундре кашалот.
Люди сами лезут в рот.
Если кто побудет в нем,

Говорит ему: «Хайлем!»
Ну-ка спросим Тапанана.
— То, наверное, яяна?
— Ну, конечно, дом, яяна.
А чего молчит
Ётваг'ал несмелая?
Угадай:
На суку висит
Рукавичка белая?
— Это снежный ком.
— Отвечай с умом!
— Заяц? Шкурка? Горностай?
Ик! Собака Ванавнай!
Рассмеялся тут Ахалли:
— Эх, друзья,
Не отгадали!
Не спеши с ответом,
Куропатка это.

Утки

Только снова заалет зорька на востоке,
Раздаются крики уток на речной протоке:
Ахама, хама, хама,
Ик, ик, ик.
Захватив ружьишко, Ое с песней мчится
к речке.
— Вы сейчас, певуны — утки, будете все
в печке.

Ахама, хама, хама.
Ик, ик, ик.
Подползает тихо Ое к жирным уткам близко,
Прямо в стаю целит Ое, но молчит ружьишко.
Ахама, хама, хама.
Ик, ик, ик.
Позабыл патроны дома — вот какие шутки!
Пока Ое бегал к юрте, улетели утки.
Ахама, хама, хама.
Ик, ик, ик.

Ое

Ое с песней «Ое ёй»
Ехал из лесу домой.
Хорошо везут собаки,
Ведь собаки брата Аки.
Ое ёй! Ое ёй!

Ое мастер песни петь,
Услыхал его медведь.
Бросил теплую берлогу.
Вышел слушать на дорогу.
Ое ёй! Ое ёй!

Ое бросил взгляд вперед,
До ушей разинул рот.
Песня больше уж не пелась,
Жить подольше захотелось.
Ое ёй! Ое ёй!

Кувыркнулся в снег лицом,
Притворился мертвецом.
— Пропадайте вы, собаки,
Ведь собаки брата Аки.
Ое ёй! Ое ёй!

Юрий Дружинин
Светлой памяти первого ительменского поэта
Георгия Поротова

1. На околице Руси

Знато, хранитель, жрец фольклора
И виртуозный музыкант,
Поэт с задатками актера —
Неисчерпаемый талант.
(Печать тревоги и заботы —
Лицо, как медный колчедан.)
В какие ты ушел высоты,
Закоренелый камчадал?
Затихли струны мандолины,
Окончив разом пастораль.
Покрыла реки и долины
Вулканов дымная вуаль.
Глаза задумчиво прикрою.
И проплывут в один момент
Передо мной его герои
Сказаний, песен и легенд.
В ущельях темных, по отрогам
Языческий витает дух,
Раскосые пируют боги,
Среди которых главный — Кутх.
Шлифует ветер сопкам скулы.
Закат — пунцовой полосой.
А в недрах жгут костры гомулы,
Завина моется росой.
Глазами мутными подранка
Глядит из глубы двух веков
В мое сегодняшнее Дранка
И созывает казаков.
От дикой ревности сгорая,
Когда на Пенжине-реке
Ждет-поджидает Ое Аю
Уже в бату — не в каяке.
Виденья медленно поблекли.
Туманом взор заволокло.
Шаманит дождь, как будто Токле, —
Поющим бубном о стекло...
Но дружный клевет лебединый
Вдруг огласит глухую даль
Лесов и пахитей долины
С названием звучным Уйкоаль.
На крыльях гордой птичьей стаи
Душа поэта воспарит
За гребень туч.
И вот устами
Поэта небо говорит:
— Я — Гыммо! — слушает округа,
Еще не время в чудеса,
А ветер жизни бьет упруго,
Надеждой полна паруса...
Я не сторонник од и оргий,
Но, у кого ты ни спроси,
В сердцах людей живет Георгий
Здесь, на околице Руси.

2. Людям северных зорь

Поредели леса,
Исчезает лосось
И мораль примитивно убога.
Прошибает слеза,
Что, живя на «авось»,
Дрябнет тело под натиском смога.
И пугливая дичь
Забирается в ночь —
Только тени сплывают по ущельям...
Все сумел ты постичь,
Не успел лишь помочь —
Стала пухом земля и постелью.
Непоседливо ты

Снежной тундрой мчал
На оленях — полярных мустангах.
Воплощая мечты,
Наяву изучал
Быт и нравы в далеких ярангах.
И в легенды легли,
Словно отблеск волны,
Словно огненный выдох вулканов,
Пряный запах земли,
Гордый дух старины —
Песни гномов и смех великанов.
Добрый сердцем творя,
Одержим, обуян
Жадной жизни, при жизни ты
признал.
Мать — Камчатка твоя,
А отец — океан.
В этом смысл и величия признак.
И как мать и отца —
Знает это любой —
Никогда и ни в чем не оставил.
Всю-то жизнь до конца:
И талант, и любовь —
Людям Северных зорь ты оставил.

3. У ночного костра

Есть люди —
Всю жизнь, словно дети,
Но это им плюс —
Не вина...
Поставив нехитрые сети,
Мы приняли дозу вина.
Несметную ратью, похоже,
Слеталась к огню мошара.
К пеньку прислонясь, полулежа.
Я молча курил у костра
И слушал...
Утихли перуны.
Как будто когтями орла,
Терзал он гитарные струны —
Стихия за сердце брала.
Село под названием Кирганик
Накрыло тумана пятно.
Мне чудилось:
Это «Титаник»
Во тьму погружался, на дно.
Как вдруг, оборвав свое пенье,
Ладонью прихлопнув мотив,
Он замер,
Но лишь на мгновенье —
Обдумывая речитатив.
Сдвигались со звоном стаканы —
Времен исчезала черта.
И звук вырывался гортанный
Из полуоткрытого рта.
Над темной тайгой бескрайней
Тот голос метался и глух —
В наш век залетевший случайно
Из прошлых дремучих эпох.
Нам были подвластны все дали,
Все выси...
И я говорю:
Мы рыбки в ту ночь не поймали,
Зато не проспали зарю.

4. Утрата

Скромен быт, неприхотлива кухня
Да в заботах дел невпроворот...
Под крылом у ворона, у Кутха,
Жил немногочисленный народ.
Вольно жил.
Но в годы пертурбаций
Стал он незаметно исчезать
Без своих исконных резерваций —
Вот о чем хотелось бы сказать.
Ну, а ворон —
Житель дебрей горных,
Не сыскать его в стране иной.
Только зря его прозвали черным.
Ворон же!
Конечно — вороной!
Брат орлов, что нынче тоже редки,
Чей, того гляди, прервется род.
Как орла не выпестовать в клетке,
Так и ворон взаперти умрет.
Мрут они совсем не от болезней,
Не от непредвиденных потерь.
Просто стал никчемней,
Бесполезней
Смысл существования теперь.

Не постигнем мы всего урона,
Хоть стучите в медь колоколов —
Не заменит ворона ворона,
Да и нет замены у орлов!

Георгий Поротов был большим любителем рыбной ловли. Часто у ночного костра он исполнял любимую песню «Гибель Титаника».

Гибель Титаника

Стихи Дмитрия Кимельфельда
Музыка Владимира Семенова

Можно биться об заклад —
Было б только, чем бы —
Страсть приносит результат
Жуткий и плачевный.
Что ж настройтесь на волну,
Дамы и девицы:
Мы расскажем вам одну
Притчу во языцах.

На лайнере круизном
К Бермудским островам
Еще до социализма
Плыла одна вдова.
Она скучала вяло,
Ей опостылел Рим
И с палубы плевала
В течение Гольфстрим.

Но судьба на этот раз
Ей снесла гостинец:
На вдову поставил глаз
Стройный аргентинец.
И когда косила ночь
На Саргассах травы,
Он вдове решил помочь
Сбросить давний траур.

Вдова уже два года
Носила свой обет,
И южная природа
Рвала ее корсет,
Когда горя от страсти,
Он тронул шеншеля —
То чуть в акулю пасти
Не прыгнул с корабля.

Поздно понял он увы,
В маленькой каютке,
Что с любовью у вдовы
Очень плохи шулки...
Не пришлось смеяться б нам,
Все б осталось в тайне,
Но их любовь напололам
Развалила лайнер.

Потом в их желтой прессе
Писали целый год,
Что в айсберг в этом рейсе
Вонзился пароход
Так в каждой из okazji,
Сейчас и в старину
Мы все на бедный айсберг
Спешим свалить вину.

На их защиту станем
Мы дружеским плечом:
В том, что погиб «Титаник»,
Айсберги не при чем!
Но тщательно проверьте,
Срывая в страсти плед,
Что вы пардон, на тверди,
А не на корабле!

1981

Ты уж блудного сына прости

Милый домик над Авачей,
Ты уж блудного прости, —
Пришаманил дух бродяжий,
И к тебе — не прирасти.
Дома, будто на свиданье,
Поживешь денек-другой, —
Снова в путь-дорогу тянет,
И — прощай тогда покой!
Ночью Кутха с доброй Миты,
Шлют привет издалека.
В тундре бьет олень копытом,
Ожидая ездока.

Океан большой, сутулый
На спине кита несет.
В сопках жгут костры гамулы,
Опаляя небосвод.
Милый домик над Авачей,
Ты уж блудного прости.
Пришаманил дух бродяжий,
И к тебе не прирасти!

Всплывает виденьем... лоб матери милой

Горы,
Камчатские горы,
Вы видели радость,
Вы помните горе.
Свидетели
Буйных торжеств и трагедий,
Вы мне, камчадалу,
Достались в наследье.
Горные складки
Родимой Камчатки,
Время само в них застыло!
Далекое пенье...
Всплывает виденьем
Морщинистый лоб
Матери милой.

Здравствуй, домик у речки!

Вот и я,
Здравствуй, домик у речки!
Истомилась сыновняя кровь.
Бойко мама хлопочет у печки.
В печке треск от пылающих дров!
Мне в окно оголенной веткой
Постучала седая ольха,
Где, мол, гость мой любезный и редкий,
Уж давно про него не слышать...
Не напрасно родитель покойный тут ольху по-
садил для меня.
Опершись на крутой подоконник,
Я стою у родного огня.
Над горами луна выплывает.
Завтра снова уйти суждено.
А ольха все стучит, как живая,
Тени прошлого смотрят в окно.

...Молод,
Жил на склонах Алнея,
Веселился.
Это было давно.
Окруженный
Женщинами и девушками
Пою песню
Про снежный Алней.
И про ту,
Которую любил.
Пусть эти женщины
Узнают про дни
Моей молодости.
Когда я брожу по Алнею,
И смотрю на Алней,
Вижу любимую мою...
Любимая манит меня к себе...
Равнины синеют,
Как шелковые ткани...
Ах, весело весною!
Ветер гуляет
По этим коврам!
Я покидал Алней,
Она провожала меня
До последнего ручья.
Я помахал ей
Белым платком...
Это было в старину...
Пусть молодежь поет
Про наш Алней
И его красавиц.

Мой вечный маршрут

Звнящее лето.
Лесные рассветы.
И время походов настало!
По узенькой тропке
Уходим мы в сопки.
До встречи, родной Петропавловск!

Костер да палатка —
Вот весь и уют.
Камчатка, Камчатка —
Мой вечный маршрут!
К вершинам вулканов,
Где кружат орланы,
Поднимемся, люд мускулистый!
Мы любим просторы,
И речки, и горы,
На то и зовемся — туристы.
Костер да палатка —
Вот весь и уют.
Камчатка, Камчатка —
Мой вечный маршрут!

Брагин Самуил

Дни суровые.
Двадцать первый год.
Огненное зарево
Плавит небосвод...
Ночью на разведку
В город уходил
Юный партизан —
Брагин Самуил.
Даль туманная,
Петропавловск спит.
Тишина обманная —
Враг за нею скрыт.
В сонных переулках
Рыщет волчий взгляд.
Юношу заметил
Провокатор-гад...
Пыткой страшною
Не сломить бойца,
Партизаны красные
Тверды до конца.
Палачем избитый,
С гордой головой
И назло бандитам
Песню пел герой...
Над Камчаткою
Заалел рассвет.
И ушел в легенду
Он в шестнадцать лет...

Загадки (по корякским мотивам)

Кто в народе мудрость сеет,
Тот всегда почет имеет
У собратьев на Камчатке.
Вот и нынче на привале
Старичок пастух Ахалли
Задаёт друзьям загадки:
— Круглый, желтый, как луна,
Бита палкою спина.
Коль его хозяин бьет, —
Он не плачет, а поет?
Под него плясать мы любим...
— Бубен!
— Угадали. Бубен.
Лежит в тундре кашалот.
Люди сами лезут в рот.
Если кто побудет в нем,

Говорит ему: «Хайлем!»
Ну-ка спросим Тапанана.
— То, наверное, яяна?
— Ну, конечно, дом, яяна.
А чего молчит
Ётваг'ал несмелая?
Угадай:
На суку висит
Рукавичка белая?
— Это снежный ком.
— Отвечай с умом!
— Заяц? Шкурка? Горностай?
Ик! Собака Ванавнай!
Рассмеялся тут Ахалли:
— Эх, друзья,
Не отгадали!
Не спеши с ответом,
Куропатка это.

Утки

Только снова заалет зорька на востоке,
Раздаются крики уток на речной протоке:
Ахама, хама, хама,
Ик, ик, ик.
Захватив ружьишко, Ое с песней мчится
к речке.
— Вы сейчас, певуны — утки, будете все
в печке.

Ахама, хама, хама.
Ик, ик, ик.
Подползает тихо Ое к жирным уткам близко,
Прямо в стаю целит Ое, но молчит ружьишко.
Ахама, хама, хама.
Ик, ик, ик.
Позабыл патроны дома — вот какие шутки!
Пока Ое бегал к юрте, улетели утки.
Ахама, хама, хама.
Ик, ик, ик.

Ое

Ое с песней «Ое ёй»
Ехал из лесу домой.
Хорошо везут собаки,
Ведь собаки брата Аки.
Ое ёй! Ое ёй!

Ое мастер песни петь,
Услыхал его медведь.
Бросил теплую берлогу.
Вышел слушать на дорогу.
Ое ёй! Ое ёй!

Ое бросил взгляд вперед,
До ушей разинул рот.
Песня больше уж не пелась,
Жить подольше захотелось.
Ое ёй! Ое ёй!

Кувыркнулся в снег лицом,
Притворился мертвецом.
— Пропадайте вы, собаки,
Ведь собаки брата Аки.
Ое ёй! Ое ёй!

В. П. Васильев Оливиновый пояс

...Творческая биография Георгия Поротова началась в 1957 году. Тогда учащийся отделения народов Севера Хабаровской краевой культпросветшколы сочинил стихотворение «Друзья, на фестивале!» Оно понравилось его преподавателю И.Д. Герзону, и тот написал музыку. И наконец, в Биробиджане идет 1-й областной молодежный фестиваль. В материалах, посвященных праздничным событиям, читаем такие строки: «Морем электрических огней залит парк культуры и отдыха. Никто из горожан не помнит еще такого дня, чтобы здесь так было многолюдно. На центральной площадке застыл сводный полторатысячный хорой коллектив... С задором звучала песня «Друзья, на фестивале!»

Георгий Поротов хвалили. Его стихотворение напечатали на листовках и сбрасывали с самолета... А потом наступили будни. Георгий Поротов, окончив школу, возвращается на Камчатку. Он заведует клубом и районным отделом культуры, работает директором окружного и методистом областного домов народного творчества, но долгое время не находит ни своей темы, ни своей позиции в искусстве.

Прочный успех пришел к Георгию Поротову на клубной сцене и в пастушеских бригадах. Он выступает в концертах художественной самодеятельности то, как баянист-аккомпаниатор, то, как исполнитель своих стихов и песен. И в общении со слушателями находит своего героя. Уже первые «похождения» Ое были замечены камчатскими поэтами. В газете появилось это дружеское, не лишнее, однако, лукавства стихотворное послание молодому литератору:

...То, как утка, крякая,
То каюром хрякая,
Ое пляшет бакию,
Бакию, бакию.
В пляске так и в деле так.
Он мастак, а не лахтак.
Пляс в Оссоре, пляс в Палане.
Почему? Почему?
Потому что на баяне
Вторит Поротов ему.
Был он Ое — неудачник,
А теперь наоборот.
Все!
Пора кормить собачек.
Праздник ждет и Ая ждет.

Георгий Поротов продолжает работу.

Герой его приобретает характерные черты и в то же время заявляет о себе как о дальнем родственнике русского Иванушки-дурачка.

У толстого, степенного Ое вечно возникают незадачи. Но злключения он переносит стойко и добродушно, а потому и любит его народ.

В 1967 году выходит первый поэтический сборник Георгия Поротова «Ое». Сюда включены были не только новые, но и повсеместно известные на Камчатке стихотворения — «Утки», «Бакию», «Норгали» и другие.

Сборник быстро разошелся и заслужил высокую оценку читателей. Он подтвердил, что поэт на верном пути. И это окрылило Георгия Поротова. Он много работает. Его стихотворные и музыкальные произведения появляются в различных изданиях. А в 1969 году увидела свет вторая книга Георгия Поротова — «Корел». В нее вошли, кроме пьесы «Кутха и мыши», уже опубликованной в сборнике «Ое», две другие драматургические миниатюры в стихах и с приложением нот тех песен, которые исполняют герои. Через три года была издана третья — «Акиках», «Ачичух», «Абабах».

Приключения Корела — гусенка, зимующего на Камчатке, — заинтересовали супругов Корсак. Они создали на основе этой пьесы кукольное представление и объездили с ним не только северные населенные пункты, но и пастушеские звенья...

...Не раз перекрецивались жизненные дороги неутомимых культпросветработников Георгия Поротова и Владимира Косыгина. Вместе с агитбригадой областного управления культуры они облетели северные районы Камчатки. Их совместный рассказ — песни, стихи, зарисовки, сказки — был опубликован в трех книгах, подготовленных к изданию областным Домом народного творчества: «Песни Алнея» (1969), «В стране Кутхи» (1969) и «Дарю тебе песню» (1970). Поэты повествуют о встречах с пастухами и охотниками, хранителями легенд и мастерицами-вышивальщицами.

(Очерки культурной жизни Камчатки),
Камчатское отделение
Дальневосточного
книжного изд-ва, 1972, с. 15–17.

Памяти Георгия Поротова

Балалайка зашла
На немых нотах,
Ты устал, затупив
Медиатор на ней.
Откачался в морях,
Отлетал в самолетах,
Отходил по Камчатке —
Ламанче своей.
От стихов и от публики
Клубы трещали,
Быт районных гостиниц
Валил на кровать.
А тебе волноваться
Врачи запрещали,
Запрещало начальство
Себя волновать.
Только музыка сердца
Запретов превыше,
Кто услышит ее,
Станет музыкой сам.
Говорят, для бессмертья
Ты рангом не вышел:
Не начальник, не зав,
Не ответственный зам.
Кто-то все расписал
По ранжирам, по сметам.
Есть устав и для кладбищ —
По чину ложись.
А признание извечно
Бывает посмертным,
И бессмертной становится
Смертная жизнь.
В справках энциклопедий
Не быть тебе сроду,
В словари не попасть.
Что им имя твоё?
Сбережет тебя
Долгая память народа,
Нет правдивей ее,
Нет надежней ее.

Е. Сигарев Первый лауреат

Его ночные звонки для близких друзей были обыденными, поскольку по творческой настроенности Георгий Поротов был «филином» — писал больше ночью. Он то читал только что написанные стихи и просил оценить их на слух, то искал подтверждения оттенку той или иной фразы, то советовался, то яростно возмущался чему-нибудь. Он мог набрать номер любого дежурного по любому комитету и потребовать немедленно вмешательства, если речь заходила о противоправных действиях по отношению к природе, истории или людям Камчатки. А иногда он просто сетовал по телефону на усталость:

— Сижу, сижу, а на бумагу ничего не идет... Поставь музыку.

Я включал магнитофон и подносил к нему телефонную трубку. Особенно нравился ему чардаш Монти, а «королевой» всех музыкальных инструментов он считал скрипку. Может быть, потому, что в детстве соорудил он самодельную скрипочку и подолгу пиликал на ней, забравшись то в дальний угол огорода, то уйдя на речку.

Четыре года не будят меня среди ночи его телефонные звонки...

60-летний юбилей Георгия Поротова мы встречаем без него. И вместе с ним, ибо его представляют книги, написанные первым в истории литературы писателем-итальянцем. Среди них шесть поэтических сборников и два тома прозы — первая и вторая книги трилогии «На околлице Руси». Заключительная книга трилогии и роман «Камчадалы» (первоначальное название «Медвежий угол»)

не увидели света при жизни автора, не успевшего завершить их доработку.

Произведения Георгия Поротова активно работают и сегодня, причем популярность их возрастает. По данным областной библиотеки, коэффициент обрабатываемости его книг равен 2,8 при среднесоюзном нормативе 2,0.

За первый же сборник стихов «Ое» Георгию Поротову было присвоено звание лауреата премии камчатского комсомола им. В. Кручины. С тех пор началось триумфальное шествие стихотворений и песен Поротова не только по Камчатке, но и за ее пределами. Чукчи говорят: «Он наш». «Нет наш», — спорят с ними эвены. В Якутии его считают якутом. Поротовских «Уток» распевает во всех портах Дальнего Востока, утверждая, что слова и музыка этой песни — народные. После такого признания любые критические статьи уже никак не воспринимаются.

Разносторонность дарования Георгия Поротова поражает и сегодня. На сцене областного драматического театра шли его пьесы «Потерянный праздник» и другие. Прочно вошла его драматургия в репертуар кукольного театра, по драме «Кутха и мыши» написана опера для детей. Во время поездок по Камчатке им записаны и обработаны итальянские «Песня на подполковника Мерлина, маеора Павлуцкого и студента Крашенинникова», «Песня о чайке», «Униастаж», «Бакию», корякские мелодии, эвенские «Норгали», «Красавец Алней» и множество других.

Два года назад были проведены первые Поротовские чтения. В этом году

они начнутся 13–14 мая в Елизовском районе, где родился писатель, а затем, вплоть до декабря, будут проходить в областном центре, Палане, Ковране, Быстринском, Олюторском, Тигильском, Пенжинском, Карагинском, Мильковском районах. В качестве эмблемы этих чтений член Союза художников РСФСР Виктор Тришкин решил написать портрет Георгия Поротова.

В конце апреля на вечере памяти Поротова в областной библиотеке был создан новый литературно-краеведческий клуб, работа которого будет сосредоточена на вопросах воссоздания и сохранения традиций, языка и культуры местных народностей нашего полуострова.

Итальянцы считали, что если охотнику приснится Кутх, то у него будет хорошая добыча. Георгию Поротову Кутх снился постоянно, видимо, поэтому так богата его литературная, музыкальная, хореографическая добыча, поэтому такое обширное наследие оставил он потомкам.

Перед правителями преклоняются прижизненно и проклинают их после смерти. С писателями наоборот: при жизни вокруг их имени толкутся сомнительные слухи и домыслы, а признание вместе с очищением памяти от небылиц приходит посмертно.

Не здесь ли проходит рубеж между суетливой сиюминутностью и величавым бессмертием?

«Камчатский комсомолец»,
6 мая 1989 г.

На примере поэтического сборника «Ветер жизни», где отчетливо проведена «линия» чистой природы, где звучит искренняя нота человека коренной национальности — «закоренного камчадала», по его же собственному выражению — где дан образ не нарушенного человеком мира с природой...

Природа по отношению к человеку в поэзии Георгия Поротова не инертна, но отзывчива ему и является часто одним из «действующих лиц» его стихотворений... Действие в большинстве стихотворений сборника «разворачивается» на природе, натура человеком вполне обжита, чем лирический герой того же известного «Таганка» даже гордится.

Авай с товарищем восхищаются: «Схоронились в буреломе, в нем такая благодать! Хорошо тут, словно в доме, вот еще сюда б кровати!» Аваю даже и ночью бредится осиною, которую не забыть бы срубить, уж очень больно бьет она по спине проплывающего охотника.

Есть случаи антропоморфизма, т.е. одушевления, очеловечивания природы. Вспомним, как заря, восход солнца в «Песне любви» обожествляется в фольклорных традициях в образе красавицы Завины.

Зачинами многих стихотворений, точками, из которых они «прорастают», являются названия мест, география природы, иногда подробная в своей конкретике: «У высокой горы кто-то ходит, шишки рвет», «На севере Камчатки, у сопки Пятибратки, течет река Паллан», «Дело было у Шером», «Я шел по милковской дороге. В хребтах пылал восход пал, сжигая Кутхины чертоги». Здесь картины природы дают поэту активные творческие импульсы.

Во всех своих многообразных состояниях природа тоже не враждебна человеку: «Ложится сумрак пологом, вершины гор румянятся», «Над бугристым шумным морем зори расцветают». Даже там, где стихии ярятся и клокоуют («Песнь любви»), они, в конце концов, отыскивают свое естественное состояние равновесия.

Сам человек в поэзии Георгия Поротова естествен и полностью ощущает свое единение с природой. Характерна в этом смысле одна тревожная нота

Борис Агеев Поэт и природа

в том стихотворении, где Ое уезжает на учебу в город: город озадачивает поддельностью природа и даже отсутствием ее. Естественное, натуральное место, с которого начинается человек в природе, — «чистый дворик» родительского дома, по которому ходит мать вернувшегося с фронта солдата и «святая земля» в нем, которую целуют за всех тех, «кто не сможет домой возвратиться». Естественный человек радуется своему соседству с натурой: «Я не бывал таким влюбленным в родимый край до сей поры». В своих песнях и танцах, чьи образы навеяны впечатлениями от природы «чудесного» края, человек выражает свое преклонение перед ее «дикой красотой». Человек включен в круг природы и является ее «четвертым царством».

В этой связи любопытно будет «прочитать» взаимоотношения человека и медведя, меж которыми, если судить по циклу «У ночного костра», сложились отношения двух близких по месту жительства родственников, причем медведь воспринимается кем-то вроде пусть и не такого сообразительного, но старшего по возрасту брата. Иногда этот «родственничек» бывает резко неуправляем, сели его вывести из себя, и тогда от него нужно бежать, спасаясь, иначе так «по-братски» надерет... Иногда медведь чрезмерно любопытен: «Ое мастер песни петь, услышал его медведь, бросил теплую берлогу, вышел слушать на дорогу». Вот медведь прыгает в бат напарником к Коке, покатавшись, в другой раз ворует у него из сетки рыбу. «Недалеко от Шером» нахулиганивший мишка «давай гонять-пугать всех подряд прохожих», а обиженный охотниками, гоняется за ними вокруг костра, отчего испуганный «братцем» охотник сам готов зареветь по-медвежьи. Вот, в свободной от присутствия «родни» «квартире» помещаются на ночевку уставшие охотники.

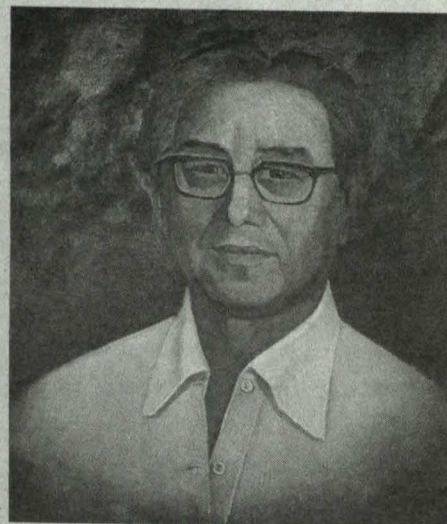
Словом, такой «сосед» при всей своей вредности, при всех своих недо-

статках, но и со всем своеобразием своего характера и привычек, серьезный и солидный «братец» — вполне предсказуем в своих действиях и своем поведении (он «свой», «нашенский»), а стало быть, с ним рядом вполне можно человеку жить.

Кажется неслучайным, что в сборнике нет ни одной сцены прямого убийства медведя на охоте, хотя известно, что северянин далеко не вегетарианец, и знаем, что медвежье мясо входит в его рацион (это если исключить один эпизод смерти медведя-ягодника в объятиях «Виталия жены, Паши-молодицы», но уж больно «случай»-то сомнительный, его даже «не взять пером, будь ты и поэтом»). Поэт как будто обходит этот вопрос молчанием, но в таком отношении не будет двусмысленности, если вспомнить, что охота для северянина является жизненной необходимостью, но умолчать об этом можно и нужно из суеверного уважения к своему старшему брату.

Везде на ступенях природной иерархии поэт видит красоту. «Гляжу, любуюсь со скалы суровой красотой Камчатки. Кружа вверху, парят орлы, к подножью жмутся куропатки. В распадах гордые березы корнями вгрызлись в гранит. Здесь коронуются морозы, здесь песня севера звенит». Вид с горы столь же прекрасен, как и вид сверху: «Но вот мы садимся вдвоем в вертолет. Над речкой Авачей ушли в небосвод, под нами открылся родимый простор: узорные реки и линзы озер, шапки вулканов, ревун-океан, и девственный лес, и гусей караван». Еще выше солнце, «похожее на бубен», которое даже стрела черного человека Кукэнлита не достает — слишком солнце высоко, слишком непогрешимо.

Вера в продолжение естественного, натурального порядка вещей не покидает поэта и там, откуда крохотная земля кажется «колыбелью». Те самые звезды, о которых поэту темной ночью думалось, что он у них когда-то уже бывал, «но ми-

нуло так много лет, что затерялся к звездам след», находятся все же рядом, близко, и так было всегда: «Надо мной тополя чуть листвою шевелят, и повисли созвездия гроздьями». Все в природе понимает себя, все ее части взаимно «вежливы»: «И слушает Вселенная: Толбачик говорит!» Не лишней в этих громовых «диалогах» и голос веселого миловидного парнишки, который вклинивается со своей домашней и задиристой ноткой: «Ой, вы звезды, манящие звезды, поднимусь я к вам рано или поздно. Распроведаю даль голубую да спою про девчонку чудную».

Даже ледяной космос не чужероден человеку, вполне «обжит» чувствами и побуждает его мирно раздумать о том, что с мыслью нетленной в просторы Вселенной сегодня берет свой разбег. «И звезды там будут, и солнце там будет. Продолжится наша Отчизна...»

Более того, если уж космонавтам в космосе не встретится чего-нибудь подходящего, то им следует с собой поэта взять, ведь «любая планета мертва без поэта!» Человек тоже не враждебен космосу и готов украсить его собою таким, каков есть.

Поэту, с предельной откровенностью заявившему, что в его крови «травинки трепет», доступно стало увидеть и гармонию высших сфер. Нам вполне можно довериться и ему, и картине природы, изображенной им со всей сердечностью и благожелательством.

«Знамя труда», 5 декабря 1986 г.

«Мне верится, что я там был»

Я любил посидеть в мемориальном кабинете Г.Г. Поротова в нашем музее. Особенно завораживал полумрак застекленного шкафа. В глубине, за стеклом, удивительные, порой совсем непонятные вещи: тропические кораллы и клык моржа из-за Полярного круга, плоды каштана и громадные морские раковины.

У Поротова было много друзей, которые дарили ему свои нехитрые подарки. Они завораживали, помогали в работе, рождали поэтические образы. Геологи подарили ему коллекцию минералов. Часами сжимая в руках пластину обсидиана, отшлифованную так, что в нее можно смотреться, поэт мог размышлять о сотнях поколений своих камчадалских

предков, делавших из этого камня наколочки стрел, о времени, о вечности. О вечности, значит — о космосе.

«Гляжу я ночью поздней
на свет манящий — звездный.
Мне верится, что я там был,
У тех мигающих светил,
В той гуще неизменной, —
В загадочной Вселенной...»

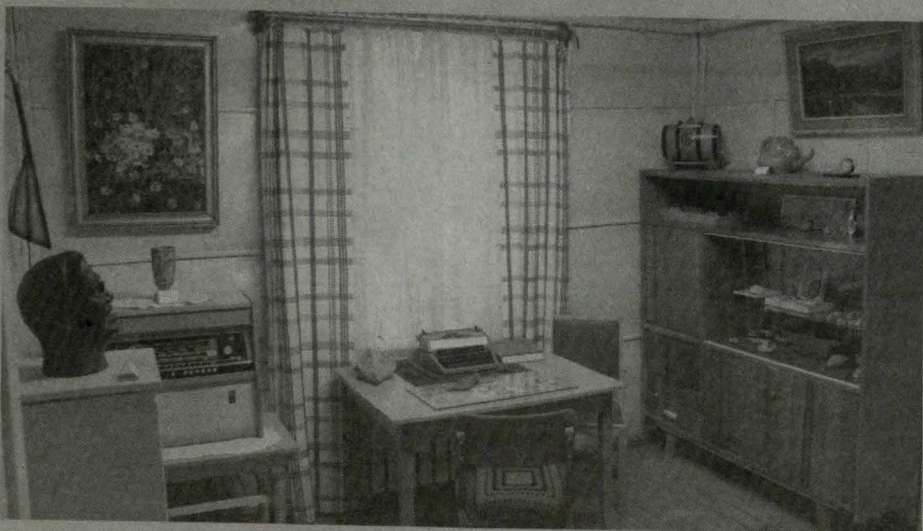
Говорят, он очень любил опалы — круглые, отглаженные морем камни, которых особенно много на Командорах. Разноцветные, красивые камушки, они ласкают, приятно хололят ладонь. Они, как маленькие неведомые существа, тревожат и немного пугают, особенно когда за стеной вдруг что-то зашуршит, послышится чей-то топоток — то ли мышей, то ли действительно загадочного домового духа. Может быть, когда-то, тысячи лет назад, такие же одаренные люди, жившие здесь же, в долине, сидя у очага, вслушивались

в ночные звуки. Их фантазия рождала могучих богов и маленьких вездесущих духов. Так появились камчатские мифы, и к ним тоже часто обращался поэт.

Опалы в музее хранятся в двух глиняных сосудах необычной формы. Один из них — из красной глины, расписан пляшущими женскими фигурками, напоминающими личины на осколках древней посуды. Вторая, чуть удлиненная чаша, светло-серая, но голубая изнутри, с выступающими вверх пятью вулканами и ущельями. Это — мифологическое изображение.

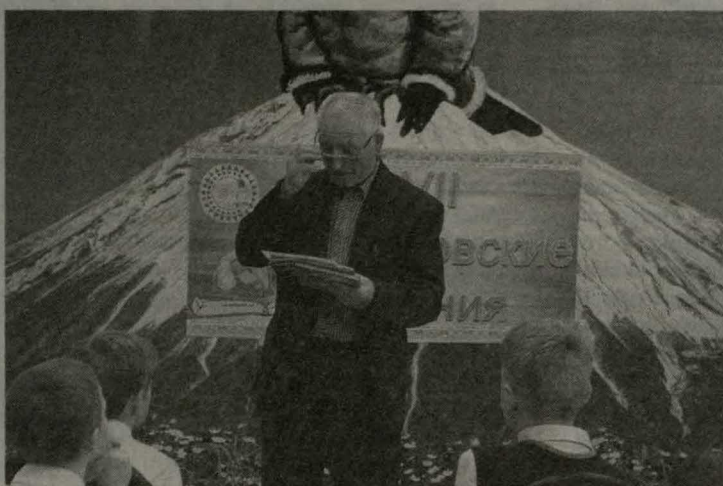
Время беспощадно ко всему. Георгия Германовича с нами давно нет. Есть, однако, его стихи, книги, наш музей, который хранит его память, его вещи, то, что верно служило поэту, наряду с камчатской природой и безмерной любовью к людям вдохновляло его на творчество.

Михаил Федоров, с. Мильково

С 2012 года ежегодно в Петропавловске-Камчатском в информационно-библиотечном центре для детей и юношества проходят Поротовские чтения. В этом году чтения состоялись с тематикой «Литературная карта Камчатки». Почётной гостью мероприятия по традиции стала жена и соратник писателя по творчеству Надежда Алексеевна Поротова. Она поделилась своими воспоминаниями об интересных моментах биографии и творческих минутах Георгия Германовича.

VII-е Поротовские чтения

В этот день информационно-библиотечный центр также посетили известные камчатские писатели: Михаил Жилин, Геннадий Струначёв-Отрок, Виктор Евдокимов, Татьяна Ефимова, Павел Калмыков. Они рассказали о своих новых книгах, творческих задумках и начинаниях. Поротовские чтения — это не только повод вспомнить о человеке, чьё имя носит информационно-библиотечный центр. Это

ещё и возможность рассказать читателям о других известных писателях Камчатки, которыми богат наш край. Мы приглашаем всех желающих приобщиться к творчеству камчатских писателей и пообщаться с интересными талантливыми людьми», — добавили организаторы. Поротовские чтения — ежегодное традиционное значимое мероприятие, посвященное ительменскому писателю, поэту, драматургу, музыканту. Почётному

жителю Петропавловска-Камчатского Георгию Поротову.

Информационно-библиотечный центр расположен в доме, где в значительное время проживал Георгий Германович Поротов.

VIII-е Поротовские чтения, посвященные 90-летию со дня рождения камчатского писателя, должны состояться в мае 2019 года.

Соб.инф.

Фото Виктора Борисова

Издание номера осуществлено при финансовой поддержке министерства культуры Камчатского края.

Редакция выражает благодарность за помощь в подготовке этого номера Н.А. Поротовой, Н.Г. Бережковой-Поротовой, С.Г. Архиповой (Поротовой).

Главный редактор В.И. Борисов
Ответственный за выпуск М. Б. Киле
Учредитель: РОО «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Камчатского края»
Издатель: АНО «Редакция газеты «Абориген Камчатки»

Отпечатано в типографии «КПД».
Адрес типографии: г. Петропавловск-Камчатский, ул. Высотная, д. 14.
Тел. 46-76-54.
Печать офсетная. Объем — 2 п.л.
Подписано в печать 23 октября 2018 г.
В 18.00 часов (по графику 18.00)
Тираж 1000 экз.

Адрес издателя, адрес редакции:
АНО «Редакция газеты «Абориген Камчатки»:
683031 г. Петропавловск-Камчатский,
ул. Тушканова, д. 5/1, кв. 32. Тел. 26-04-11.
Газета зарегистрирована Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций по
Камчатскому краю

Свидетельство о регистрации
ПИ №ТУ 41-00050 от 05.12.2008 г.
Индекс 51834
Цена свободная
При перепечатке ссылка на газету обязательна.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением авторов публикаций.

16+